

Хайбуллин Максим Радикович

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО
ТРАНЗИТА: ОПЫТ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ

Специальность - 23.00.02 — политические институты, этнополитическая
конфликтология, национальные и политические процессы и технологии

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Уфа 2004

Диссертация выполнена на кафедре политологии, социологии и связей с общественностью Уфимского государственного нефтяного технического университета

Научный руководитель - доктор философских наук,
профессор Дорожкин Ю.Н.

Официальные оппоненты - доктор политических наук,
профессор Мухарямов Н.М.

кандидат политических наук,
доцент Чувиллина Н.И.

Ведущая, организация - Самарская государственная экономическая академия

Защита состоится « 9 » апреля 2004 г. в 14 час, на заседании диссертационного совета К.212.13.02 по присуждению ученой степени кандидата политических наук в Башкирском государственном университете по адресу: 450074, г.Уфа, ул. Фрунзе 32, главный корпус, ауд. 01

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Башгосуниверситета

Автореферат разослан « 5 » марта 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор философских наук

Вальков А.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью осмысления места и роли парламентаризма в современном развитии посткоммунистических и, в частности, центрально- и восточноевропейских политических систем, что имеет немаловажное значение при корректировке стратегии и способов реформирования механизмов государственной власти в России и республиках постсоветского пространства. Это становится особенно очевидным потому, что в условиях трансформации политико-правовых институтов в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), как, впрочем, и в России, формируется целый комплекс противоречий между конституционными принципами функционирования государственной системы и реализацией этих принципов на практике.

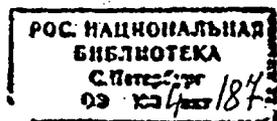
При этом следует учитывать, что в условиях переходного (транзитного) периода роль парламента в социально-политических преобразованиях возрастает многократно, поскольку именно представительные учреждения, выполняя законодательные властеобразующие функции, становятся одновременно центром конфликта и сотрудничества различных политических сил, мобилизуют политические элиты, формируют групповые интересы и способствуют рационализации политических решети.

В то же время нестабильный характер политических институтов трансформирующихся государств, обусловленный отсутствием опыта функционирования и взаимодействия в новой социально-политической среде, становится предметом непрекращающихся дискуссий о том, какие факторы и условия, какие политические (и социальные) институты и структуры делают ту или иную систему демократической,¹ о соотношении парламентаризма и эффективности исполнительной власти.² Иными словами, актуализируется и оказывается в центре политологического дискурса проблема выявления эффективности той или иной конституционной модели, ее воздействия на процесс формирования открытого общества и политической социализации граждан.

С отказом от тоталитарной политической системы и появлением в начале 90-х гг. XX в. на территории бывшего «социалистического лагеря» новых независимых государств для политических элит повсеместно стала актуальной проблема выбора форм и путей политико-правовых преобразований и, прежде всего, выбора такой конституционной модели, которая бы четко определяла место каждого органа государственной власти и в первую очередь парламента, в политической системе, характер его взаимодействия с другими политическими институтами и гражданским обществом. Каждая из стран ЦВЕ и бывших республик СССР проходит свой особый путь от тоталитаризма к демократии.

¹ См., например: Мельвил А.Ю. И вновь об условиях и предпосылках движения к демократии / Проблемы консолидации российской полтиии (круглый стол) // Полис. – 1997. - №1. – С.39.

² Строев Е. Российский парламентаризм: движение в будущее или бег по кругу // Независимая газета. – 2001. – 18 апреля. – С.4.

Очевидно, что выбор пути преобразований в бывших соцстранах Европы обусловлен наличием конкретных политических, социально-экономических, исторических и социокультурных предпосылок, среди которых определяющими, на взгляд диссертанта, являются степень развитости гражданского общества и демократических традиций докоммунистического периода. В одной стране (преимущественно республиках бывшего СССР, в том числе и России) новая конституционная модель воплотилась в концепции «сильной» президентской власти и, соответственно, характер и динамика институциональных и конституционно-правовых преобразований определялись степенью влияния и личными политическими амбициями главы государства и его ближайшего окружения. В других странах процесс политических и правовых реформ изначально был сосредоточен в руках представительных органов, что впоследствии привело к «дисперсии» горизонтали власти и конституционному закреплению доминирующей роли парламента в политической системе. Данная модель утвердилась в большинстве центрально- и восточноевропейских государств и опыт функционирования парламентской модели, ее влияния на процесс формирования гражданского общества и стабилизации полигической системы в этих странах нельзя игнорировать. К числу таких стран в контексте исследования относятся Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, Болгария и Румыния, в которых изначально были созданы политические и конституционно-правовые условия для формирования и развития парламентаризма - не только как одной из важнейших сущностных характеристик либеральной демократии, но и как системы организации и функционирования государственной власти, в которой представительные учреждения занимают доминирующую по отношению к другим властным институтам роль. Кроме того, в течение более чем десятилетнего периода некоммунистического правления и четырех-пяти циклов парламентских выборов в этих странах утвердилась система, согласно которой регулярная смена правящих элит, независимо от их политической и идеологической ориентации, не затрагивает базовых принципов функционирования парламентской модели.

В то же время современный опыт функционирования и развития парламентаризма в каждой из названных стран имеет определенную специфику, что создает благоприятную почву для сравнительно-политологического исследования и имеет немаловажное значение в плане анализа преимуществ той или иной конституционной модели, ее воздействия на процесс политико-правовых и социально-экономических реформ.

Степень разработанности проблемы.

Спектр исследований, посвященных сравнительному анализу политических систем, достаточно широк и включает в себя как разработку методологии сравнительного анализа, основоположником которой по праву можно считать известного американского социолога Г.Алмонда,³ так и исследования изменений

³ Almond G. Comparative Political Systems // Journal of Politics. – 1956. – Vol.18. – №3.

политической культуры, политического поведения и ценностных ориентации населения развитых демократий и стран, находившихся в 70-80-е гг. XX в. в условиях перехода от недемократических режимов к новым политическим системам открытого типа (Г.Алмонд, С.Верба, Р.Инглхарт, Р.Даль, Л.Морлино и др.)

С начала 1970-х гг., наряду с дальнейшим развитием сравнительной политологии формируется новое направление - транзитология, сфокусировавшая свое внимание главным образом на проблемах демократизации и институциональных изменениях в обществах с переходной политической системой. Предметом анализа стало выявление социальных и институциональных предпосылок и условий перехода авторитарных и тоталитарных обществ к демократии и факторов консолидации новых политических систем. Начало исследований данного направления было положено известным американским политологом Д.Растоу, одним из первых предпринявших попытку разработки модели демократического перехода.⁴

Импульсом к дальнейшему развитию данной концепции стало крушение авторитарных режимов в ряде южноевропейских и латиноамериканских стран (Испания, Португалия, Бразилия, Аргентина, Чили и др.), а в конце 80-х гг. XX — тоталитарных политических систем коммунистических стран, что не только обогатило политическую науку конкретными эмпирическими и фактическими данными,⁵ но и дало возможность расширения компаративного знания и разработки различных по структуре, но в то же время общих по сути моделей перехода к демократии. Здесь можно выделить работы Х.Линца, А.Степана, А.Пшеворски, СХантингтона, ЛДаймонда, Г.О'Доннелла, Дж.Нельсон, ДЛПин, Ф.Шмиттера, ТКарла, Г.Придэма и др.

На рубеже 80-90-х гг. XX в. начинается новый этап транзитологических исследований, связанный с анализом политико-трансформационных процессов в посткоммунистических странах Европы и бывшего Советского Союза.⁶ Это, с одной стороны, расширило круг уже накопленных теоретических изысканий в области сравнительного анализа. С другой стороны, появились новые исследования теоретико-методологического характера, сосредоточившиеся на

⁴ Rustow D.A. *Transitions to Democracy – Toward a Dynamic Model // Comparative Politics.* – 1970. - Vol.2. - №3.

⁵ См., например: Stepan A. (ed.). *Democratizing Brazil. Problems of Transition and Consolidation.* – Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 1989.

⁶ Bunce V. *Subversive Institutions: The Design and Destruction of Socialism and the State.* – Cambridge: Cambridge University Press, 1999; Eckert G. *Democratization process in East Central Europe: a theoretical reconstruction // British journal of political science*, 1991. - №3; Hermet G. *Le Passage a la Democratie.* – P.: ENSP, 1996; Juchler J. *Probleme der Demokratisierung in den osteruropaischen Transformationslandern. // Osteruropa.* – 1997. - №9; Доган М. Эрозия доверия в развитых демократиях // *Мировая экономика и международные отношения.* – 1999. - №5; Стоукс Г. *Переговоры за круглым столом и падение коммунизма (рецензия на книгу: The Roundtable Talks and the Breakdown of Communism / Ed. by J.Elster. – The University of Chicago Press, 1996) // Конституционное право: восточноевропейское обозрение.* – 1997. – № 3-4 и др.

критике имеющихся транзитологических концепций и ставящие под вопрос возможность применения моделей демократизации поставторитарных стран к демократическому переходу тоталитарных обществ. Внимание транзитологов сосредоточилось главным образом на проблеме эффективности и направленности политических преобразований, анализе факторов, обуславливающих различный и неопределенный характер консолидации посткоммунистических политических режимов.⁷

В середине 1990-х гг. параллельно с активизацией сравнительно-политологических исследований усиливается интерес к транзитологической проблематике в России и республиках постсоветского пространства. Это обусловлено, с одной стороны, необходимостью обобщения имеющихся теоретических концепций западной транзитологии и их проецирования на национальные модели перехода к демократии;⁸ с другой стороны, формируется критико-методологическое направление, представители которого выступают если не за отказ от западной парадигмы транзитологии как таковой, то за более глубокий и всесторонний анализ структурных и процедурных, а не только формально-абстрактных составляющих переходного процесса (Б.Г.Капустин, И.И.Кузнецов, А.Ю.Мельвиль, О.Г.Харитоновна и др.).

В настоящее время проблемы посткоммунистических преобразований в странах Центральной и Восточной Европы являются предметом изучения довольно широкого круга российских и зарубежных исследователей (главным образом из стран центрально- и восточноевропейского региона). Среди отечественных исследований можно выделить монографию В.К.Мокшина,⁹ который одним из первых предпринял попытку на основе анализа обширного фактического и статистического материала выявить логику политико-трансформационных процессов в странах региона и их место в мировом политическом процессе; публикации сотрудников ИМЭПИ РАН О.Т.Богомолова, А.П.Бутенко, Н.И.Бухарина, Н.И.Довженко, Е.Б.Калоевой, сотрудников Института славяноведения и балканистики РАН И.С.Яжборовской,

⁷ Terry S.M. Thinking about Post-Communist Transitions: How Different are They? // *Slavic Review*. – 1993. – Vol.52. – №2; Trkulja I. Osvajanje demokratije. Ogled o postkomunizmu. – Beograd: Beltime, 1997; Банс В. Элементы неопределенности в переходный период // *Политические исследования*. – 1993. – №1; Bunce V. Should Transitologists Be Grounded? // *Slavic Review*. – 1995. – №54 (1); Васович В. Переход к демократии в посткоммунистических странах // *Вестник МГУ (Серия 18: Социология и политология)*. – 1998. – №2; Mishler W., Rose R. Trajectories of Fear and Hope. Support for Democracy in Post-Communist Europe // *Comparative Political Studies*. – 1996. – Vol.28. – No.4 (January) и др.

⁸ Ашимбаев М.С. Политический транзит: от глобального к национальному измерению (<http://www.kizi.kz/Parts/books10-23-02.Ashimbaev.html>); Володенков С.В. Модели динамики политических процессов в условиях переходного периода // *Вестник МГУ (Сер.12: Политические науки)*. – 1999. – №6; Веденев Ю.А. Теория и практика переходных процессов в развитии российской государственности // *Государство и право*. – 1995. – №1 и др.

⁹ Мокшин В.К. Трансформация политических режимов восточноевропейских стран во второй половине XX века. – Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та им. М.В.Ломоносова, 1997.

А.Корбонского, М.Домбровски, Л.Д.Митевой, отдельные публикации Б.Кагарлицкого, Л.Н.Шаншиевой и др.

В то же время следует отметить, что большая часть названных работ имеет обзорный, обобщающий характер, не позволяющий, с точки зрения сравнительного анализа, раскрыть специфику переходных процессов в странах ЦВЕ и соотнести их с российским опытом политико-правовых преобразований.

Обширный массив публикаций по проблемам посткоммунистических политических трансформаций представлен страновыми исследованиями. К числу исследователей, активно изучающих политико-трансформационные процессы в странах ЦВЕ, можно отнести Н.И.Бухарина, Н.И.Довженко, Т.Валеву, Ю.Ф.Зудинова, В.А.Колесникова, Д.Маркова, В.В.Мироппчикова, Л.Д.Митеву, Р.Рутковски, Б.СХандурина и др.

Особое место в современных исследованиях занимает проблема конституционализма, конституционного устройства и его влияния на специфику становления, функционирования и развития в странах ЦВЕ парламентских систем и парламентаризма в целом. Одни авторы пытаются выявить общую логику и направленность конституционных преобразований в посткоммунистических странах (Н-Варламова, А.В.Забелин, ТЛ.Кашенко, В.А.Миронов, Д.С.Прасолов, Е.Ю.Островидова, И.П.Ильинский, В.Разуваев и др.), другие - соотнести их с мировым опытом конституционализма, выявить противоречия между существующими формальными конституционными принципами и реальной политической практикой (С.Холмс, Я.Элстер, А.Шайо и др.).

Особую цегаюсть в контексте исследования представляют работы, посвященные страновому анализу конституционных систем, в которых рассматриваются как проблемы функционирования отдельных политических институтов стран ЦВЕ, так и их взаимоотношений между собой. Здесь можно выделить публикации ЭлРато, И.Грудзински-Гросс, Е.Летовской, Л.Мажевски, Д.Маловой, В.Осятыньского, Д.Франклина, П.Спивака, П.Хелландера, Я.Элстера, С.Холмса.

Значительное внимание в исследованиях политических систем стран ЦВЕ уделяется институту президента, политических партий, меньшее - правительственным органам, что, по мнению диссертанта, является серьезным аналитическим пробелом, не позволяющим получить целостное представление о характере взаимодействия различных политических институтов в рамках парламентаризма.

Основная проблема, с которой столкнулся автор в процессе работы над диссертацией, - отсутствие сколько-нибудь значимых в теоретическом плане исследований, посвященных системному анализу парламентаризма в странах (или отдельно взятой стране) центрально- и восточноевропейского региона. Имеющиеся на сегодняшний день работы раскрывают либо отдельные аспекты парламентаризма (например, взаимоотношения политических элит и их роль в процессе консолидации демократии и гражданского общества в странах региона), либо носят характер общетеоретических рассуждений. В связи с этим диссертант

обратился к некоторым работам, посвященным теоретическим вопросам и практике функционирования парламентских систем стран, не относящихся к региону ЦВЕ.¹⁰

При исследовании организационной структуры и деятельности представительных учреждений стран ЦВЕ возникла необходимость не просто сравнительного анализа соответствующих конституционно-правовых норм, но и соотнесения существующей парламентской практики рассматриваемых стран с мировым опытом, прежде всего западным. В этой связи особую ценность представляют работы У.Рикера, Дж.Коукли, П.А.Федосова, Л.Л.Полуяна, коллективное исследование сотрудников Межпарламентского союза под редакцией М.Амеллера¹¹. Кроме того, большое значение для конституционно-правового анализа представляют публикации политологов и правоведов Д.Олсона, В.Цепла, Д.Франклина, М.Калды, МЖиллиса, Е.Стефои-Савы, БЛику и др.

Различные аспекты проблемы политического участия и представительства в Республике Башкортостан представлены в работах М.МУтяшева, М.С.Аюпова, Ф.М.Раянова, В.К.Самигуллина, Ю.Н.Никифорова, Л.И.Бениной, А.Ахмадеева, АХ.Еникеева и др.

Таким образом, можно констатировать, что отдельные аспекты проблемы парламентаризма в странах ЦВЕ разрабатываются довольно активно. Тем не менее, исследования носят общетеоретический и, как правило, недостаточно системный характер. В то же время анализ имеющихся на сегодняшний день политологических источников дает возможность выйти на новый уровень обобщения и придать исследованию парламентаризма в рассматриваемых странах концептуальный характер.

¹⁰ Боровиков А.П. Парламентаризм как форма политической борьбы (депонированная рукопись). – СПб: Санкт-Петербургская гос. академия ветеринарной медицины, 2000; Керимов А.Д. Французский парламентаризм: опыт сравнительно-правового анализа: Дисс... докт. юрид. наук. – М.: Изд-во Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, 1999; Рыбкин И.П. Становление и развитие парламентаризма в России: Дисс... докт. полит. наук. – М.: Изд-во МГУ, 1995; Яценко И.С. Современный западный и российский парламентаризм: теоретико-правовой анализ. – М.: Изд-во РАА им. Ф.Н.Плевако, 2000 и др.

¹¹ Riker W.H. The Justification of Bicameralism // International Political Science Review. – 1992. – Vol.13. – №1; Коукли Дж. Двухпалатность и разделение властей в современных государствах // Политические исследования. – 1997. – №3; Федосов П.А. Двухпалатные парламенты: европейский и отечественный опыт (<http://www.politsstudies.ru/fulltext/2001/1/12.htm>); Полуян Л.Я. Понятие и природа конституционных полномочий, роль и место верхней палаты парламента в системе органов государственной власти (<http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2002/vestniksf190-34/vestniksf190-34010.htm#p1>); Парламенты (сравнительное исследование структуры и деятельности представительных учреждений 55 стран мира) / Под ред. М.Амеллера. – М.: Изд-во «Прогресс», 1967.

Объектом исследования выступает парламентаризм как форма республиканского правления и система организации и функционирования государственной власти.

Предметом исследования является становление, функционирование и развитие парламентаризма в странах Центральной и Восточной Европы в посткоммунистический период.

Цели и задачи исследования. Целью исследования является выявление общего и особенного в становлении парламентаризма в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы, во взаимоотношениях представительных учреждений с исполнительной властью и гражданским обществом, а также тенденций развития парламентаризма в странах региона на современном этапе. Отсюда логически вытекают следующие задачи исследования:

- раскрыть сущность и сопоставить специфику политико-трансформационных процессов в различных странах ЦВЕ в контексте конкретного типа политического транзита, выявить предпосылки формирования в странах региона парламентских республик;
- рассмотреть конституционные аспекты формирования парламентаризма и определить его место в системе государственной власти отдельных стран ЦВЕ;
- выявить на основе сравнительного анализа конституционного законодательства ключевые проблемы, касающиеся структуры и организации современных представительных учреждений стран региона;
- дать сравнительную характеристику партийно-политических систем стран ЦВЕ, показать специфику их функционирования в условиях парламентской модели и влияние на общий процесс консолидации новой общественной системы и гражданского общества;
- определить характер и ключевые проблемы взаимоотношений институтов исполнительной и законодательной власти различных стран ЦВЕ в условиях парламентаризма.

Теоретико-методологические основы исследования. В своем исследовании диссертант опирается прежде всего на либеральную концепцию парламентаризма (Ш.-Л.Монтескье, Дж. Локк, Дж. Милль и др.), рассматривающую разделите властей как основополагающий принцип государственного устройства, при котором исполнительная власть является подотчетной и подконтрольной законодательной власти.

Ведущим методологическим подходом исследования выступает сравнительный (компаративный) метод, заключающийся в сопоставлении двух и более политических объектов (государственные институты, законодательные органы, партии и партийные системы, избирательные системы, механизмы политической социализации и т.д.) и позволяющий установить, в чем состоит их подобие, вычлнить общие черты либо показать, по каким признакам они (политические объекты) различаются.

Применение сравнительного анализа в исследовании позволяет: представить оценку опыта функционирования представительных учреждений, их взаимодействия с другими политическими институтами (партии, партийные коалиции) и органами государственной власти (президент, правительство) в рамках формирующейся в странах ЦВЕ парламентской модели властеотношений; прогнозировать тенденции развития парламентаризма в странах региона в близлежащей, а, по мере консолидации парламентских систем рассматриваемых стран, и в долгосрочной исторической перспективе; сопоставить опыт функционирования парламентской модели не только между странами ЦВЕ, но и соотнести его с общемировым, в том числе и российским, опытом политического участия и представительства.

В работе используются также институциональный подход, системный подход, метод структурно-функционального анализа, диалектический метод и др

Научная новизна диссертационного исследования раскрывается в следующих положениях:

разработана **типология** транзитных процессов (революционный, эволюционный и смешанный типы) в странах ЦВЕ, которая позволяет продуктивно исследовать институциональные и политико-правовые преобразования, их влияние на формирование в странах региона парламентарной конституционной модели;

- раскрыта роль конституционализма в становлении парламентской модели власти в странах ЦВЕ, в частности, установлено, что необходимость принятия новых конституций в странах региона была обусловлена не только стремлением создать конституционный «фундамент» и придать максимальную легитимность проводимым политико-государственным преобразованиям, но и сформировать определенную систему «сдержек и противовесов», при которой законодательным органам отводилось бы центральное место в структуре государственной власти;

- доказана необходимость совершенствования структуры представительных учреждений ряда стран ЦВЕ, в частности, поставлена под сомнение целесообразность двухпалатного парламента в унитарных и этнически однородных государствах (Румыния, Польша, Чехия), а также обоснована неопределенность сегодняшнего конституционного статуса палат парламента Румынии;

- выявлено, что в контексте современного развития парламентаризма в странах ЦВЕ в одной группе стран (Болгария, Румыния, Словакия) ввиду действия различных факторов (нестабильность парламентской системы, слабость коалиционных правительств, сильная поляризация общества и т.п.) сохраняется тенденция к неустойчивому взаимодействию государственно-властных институтов и гражданского общества, а в другой группе стран, где указанные негативные факторы имеют менее выраженный характер (Польша, Венгрия, Чехия), процесс консолидации новой политико-властной системы и гражданского общества происходит более последовательно и динамично;

- сформулирована гипотеза, согласно которой в центрально- и восточноевропейском регионе сложилось три вида парламентаризма: первый вид (Чехия, Польша) характеризуется относительно стабильной и эффективной системой «сдержек и противовесов» во взаимоотношениях между законодательной и исполнительной ветвями власти, а также тенденцией формирования биполярной партийной системы, во многом аналогичной модели политического представительства, принятой в США и Англии; второй вид (Словакия, Венгрия) отличается сходством с германской моделью и характеризуется значительным усилением кабинета роли кабинета министров и менее устойчивым партийно-политическим спектром; третьему виду (Болгария, Румыния) присущи нестабильный характер взаимоотношений между институтами государственной власти и гражданским обществом, действие тенденций к дальнейшей трансформации существующей системы властеотношений.

Теоретическая и практическая значимость диссертационной работы заключается в обобщении опыта функционирования парламентаризма в странах ЦВЕ в контексте сравнительного анализа и соотнесении этого опыта с теорией и практикой парламентаризма в России. Это способствует приращению знания о парламентаризме в контексте устоявшихся политических, философских и правовых концепций, а также формированию новых подходов к парламентаризму как к универсальному социально-политическому феномену, имеющему глубокие исторические корни и реальные исторические перспективы. Проблема парламентаризма имеет многогранный характер, поэтому ее исследование требует комплексного рассмотрения различных структурных компонентов парламентаризма, включающего анализ конституционных основ функционирования представительных учреждений, систему политического участия и представительства, выявления характера взаимоотношений представительных учреждений с другими политическими институтами и гражданским обществом.

Полученные в результате исследования выводы могут быть полезны при разработке политико-правовых основ государственной власти, выборе стратегии реформирования государственной и партийной системы России и ее субъектов с учетом опыта функционирования парламентаризма в странах ЦВЕ.

Материалы диссертационного исследования могут быть использованы при разработке и чтении курсов политологии и конституционного права зарубежных стран.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертационного исследования изложены в пяти научных публикациях автора общим объемом 1,1 п.л. и представлены на научных конференциях, в том числе на Международной конференции, посвященной памяти профессора Н.А.Аитова (Уфа, УГАТУ, 2000 г.); Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летию Уральских социологических чтений и 25-летию ФГО УГТУ-УПИ (Екатеринбург, 2001); ДС республиканских общественно-политических чтений, посвященных 11-

й годовщине принятия Декларации о государственном суверенитете Республики Башкортостан (Уфа, БАГСУ, 2002).

Структура диссертационной работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы, состоящего из 277 источников. Общий объем работы 173 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении дается обоснование актуальности темы исследования, степень ее разработанности, формулируются цели и задачи исследования, раскрываются теоретическая и практическая значимость диссертационной работы.

В первой главе **«Политические предпосылки формирования парламентской модели власти в странах Центральной и Восточной Европы в посткоммунистический период»** рассматриваются политико-конституционные факторы появления и функционирования парламентской модели государственной власти в странах ЦВЕ, раскрываются ее общие и особенные черты.

В первом параграфе **«Особенности политико-трансформационных процессов в странах Центральной и Восточной Европы в контексте теорий транзитологии»** предпринимается попытка выявления специфики политических трансформаций в странах региона в русле критического анализа западных транзитологических концепций. Согласно последним, изменения, происходящие в странах ЦВЕ и бывшего СССР в результате крушения коммунистических режимов (так же как и изменения в южноевропейских и латиноамериканских поставторитарных странах), трактуются через призму понятия «перехода к демократии» («transition to democracy») или «третьей волны демократизации».

По мнению диссертанта, такой подход является недостаточно корректным, ибо анализ - изменений, произошедших в посттоталитарных странах в последнее десятилетие XX в., позволяет выявить их разноскоростной и разновекторный характер - (что особенно, отчетливо прослеживается с середины 1990-х гг.), демонстрирует существенную неопределенность их дальнейших перспектив. Более того, несмотря на объективно демократическую направленность общественных преобразований в странах ЦВЕ возможны и другие их исходы и стратегии развития, например, в виде открытой диктатуры и перехода к некоей разновидности неототалитаризма (З.Видоевич). Поэтому в противовес понятию «переход к демократии» или «демократический транзит» диссертантом выдвигается понятие «политический транзит», под которым понимается процесс перехода от тоталитарной системы к новой политической системе, *предположительно*, демократического типа. Суть данного процесса заключается в создании необходимых институциональных и правовых условий, способствующих формированию новых структур, механизмов и процедур политического взаимодействия и их воплощению в новой политической системе, отличающейся от прежней как в формальном (конституционно-правовом), так и в структурно-функциональном аспектах.

При этом подчеркивается, что с методологической точки зрения понятие «политический транзит» представляет собой абстрактную теоретическую

конструкцию, которая отражает по существу лишь состояние «переходности» и институциональной неопределенности той или иной социальной системы, когда ее прежние политические институты уже фактически утратили свою легитимность, а новые еще находятся в «эмбриональной» стадии и не получили более или менее четкого оформления в конкретном типе политического режима. Соответственно, политико-трансформационные процессы в посткоммунистических странах следует рассматривать как многомерный и многофакторный феномен, характеризующийся различными социально-политическими условиями, определяющими стабильный или нестабильный характер существующих или формирующихся в процессе трансформации политико-правовых институтов.

Исходя из сравнительного анализа политико-трансформационных процессов в странах ЦВЕ, диссертант показывает, что характер и динамика институциональных преобразований в странах региона были обусловлены характером самого политического транзита, а также влиянием различных факторов (политических, экономических, идеологических, национальных и др.) на механизм разрешения, конфликтов, возникающих между основными политическими акторами на начальном этапе транзитного процесса. В связи с этим диссертантом разрабатывается типология политического транзита стран региона, основанная на наличии (или отсутствии) к моменту начала транзитных процессов в каждой из рассматриваемых стран внутрисистемной оппозиции, ее устойчивости, массовости, степени влияния тех или иных политических акторов на процесс распада тоталитарного режима и формирования новой общественно-политической системы.

Опираясь на типологию, предложенную Ф.Шмиттером,¹² диссертант выделяет три типа политического транзита стран региона: революционный, эволюционный и смешанный.

Суть революционного типа транзита заключается в том, что либерализация режима *не предшествует* его распаду, а является, наряду с трансформацией, его возможным *следствием*. К данному типу транзита, по мнению диссертанта, относятся Болгария и Румыния, политические режимы которых накануне распада характеризовались не только консерватизмом правящей элиты, но и отсутствием хотя бы первичных элементов, основ гражданского общества. Это обусловило тот факт, что к моменту распада тоталитарных режимов ни в Румынии, ни в Болгарии не сформировались сильные оппозиционные течения, представители которых могли бы прагматично и последовательно контролировать этот процесс. Поэтому особенность политических трансформаций в этих странах заключалась в том, что трансформационные процессы возглавили не представители оппозиции, а деятели прежнего режима, причем в Румынии смена политического режима произошла насильственным путем.

¹² Шмиттер Ф. Процесс демократического транзита и консолидации демократии // Политические исследования. – 1999. - №3.

Эволюционный тип транзита характеризуется тем, что либерализация режима при рассматриваемом типе *предшествует* его распаду и продолжается параллельно с процессом трансформации/демократизации вплоть до его консолидации в новую общественную систему. Данный тип, по мнению диссертанта, был характерен для Польши и Венгрии, ибо в качестве основного механизма перехода к новому общественному строю в этих странах выступало пактирование, нашедшее свое выражение в создании институтов «круглого стола» и заключении пактов (соглашений), в которые были вовлечены представители правящей элиты и оппозиции. Именно соглашения «круглых столов» по принципиальным вопросам общественно-политического развития (форма будущего конституционного устройства, введение новых и задействование старых политических институтов и механизмов, коалиционный способ осуществления власти и др.) стали первым шагом на пути к широкомасштабным политическим трансформациям в этих странах.

Смешанный тип транзита, по мнению диссертанта, был характерен для Чехословакии, ибо сочетал в себе как элементы «реформизма», вызванного акциями гражданского сопротивления, прогрессирующим распадом властного блока и дезорганизацией партийного руководства,¹³ так и элементы «пактирования» как результат соглашений «круглого стола». Кроме того, немаловажную роль здесь сыграл и такой фактор, как нарастающие различия между чешской и словацкой политическими элитами во взглядах на приоритетные направления своей деятельности. Различия эти заключались в том, что чешская элита в большинстве своем была обеспокоена, в первую очередь, развалом-экономики, словацкая же придавала большое значение борьбе за национальную идентичность и национальные интересы словацкого народа. Это было обусловлено тем, что для словацкого общества, в отличие от чешского, на годы нормализации пришелся период экономического подъема.¹⁴ Именно национальный фактор стал доминирующим в последний год существования чехословацкого государства, что отразилось на характере работы федерального и республиканских парламентов, избранных в июне 1992 г. На этом - заключительном - этапе трансформационного процесса в ЧСФР «размежевание в партийно-организационных структурах протекало не только по вертикали, но и в горизонтальной плоскости, в результате чего еще до распада единой чехословацкой политической системы образовались самостоятельные чешская и словацкая партийные системы».¹⁵

По мнению диссертанта, типологизация транзитных процессов в странах ЦВЕ по указанным выше критериям способствует пониманию исходных посылок политических трансформаций, а с точки зрения сравнительного анализа

¹³ См.: Колесников В.А. Трансформация политической системы Чехословакии (вторая половина 80-х – начало 90-х годов): Автореф. дисс.... канд. полит. наук. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного ун-та, 1996. - С.17.

¹⁴ См.: Новые политические элиты... - С.232.

¹⁵ Колесников В.А. Указ. соч. - С.23.

объясняет, почему в одних странах консолидация новой политической системы, новых институтов гражданского общества проходит более успешно и последовательно, а в других странах новые политические режимы принимают форму псевдodemократии и нередко эволюционируют в сторону авторитаризма и национализма с внешними атрибутами демократического строя. Это позволяет отказаться от представления о политическом транзите как о некоем однолинейном процессе и прогнозировать его возможные последствия и альтернативы. В таких условиях парламентаризм можно рассматривать как одну из форм политического транзита, представляющую собой определенную систему политико-правовых гарантий от «скатывания» формирующейся демократической системы к неким новым разновидностям недемократического режима, придающим ему формально демократический характер. В то же время диссертант полагает, что в условиях политического транзита новые властные элиты должны руководствоваться не только его исходными посылками, но и прогнозировать возможные последствия выбора той или иной стратегии политического реформирования.

Вместе с тем необходимо стремление к формированию таких принципов политического взаимодействия, которые были бы приемлемыми не только в плане стратегии политического развития, но и наполняли бы реальным содержанием весь политико-трансформационный процесс. В этой связи парламентаризм как основа конституционной системы и как один из способов реализации политической власти обладает, на взгляд диссертанта, большим демократическим потенциалом, нежели иные разновидности республиканского правления, поскольку именно представительные учреждения сосредотачивают в себе основные властные функции, формируют правовую базу реформ и делегируют своих представителей в органы исполнительной власти. И именно действие указанных факторов можно рассматривать в качестве основного показателя динамики общественных преобразований в странах ЦВЕ, что, в свою очередь, позволяет говорить об эффективности парламентаризма как особой системы взаимоотношений между властными институтами и гражданским обществом.

Во втором параграфе **«Конституционные аспекты формирования парламентаризма в странах Центральной и Восточной Европы»** выделяются различные трактовки парламентаризма, синтез которых позволяет рассматривать современный парламентаризм по крайней мере в трех аспектах: 1) как систему организации высших органов государственной власти, в которой парламент как высший представительный и законодательный орган занимает доминирующее положение в системе разделения властей; 2) как форму представительной власти, предполагающую вовлечение в принятие политических решений максимально широкого спектра граждан; 3) как совокупность институциональных и конституционно-правовых механизмов реализации интересов определенных групп населения.

На основе сравнительного анализа конституций стран ЦВЕ, диссертант выделяет среди рассматриваемых стран парламентские (Венгрия, Чехия,

Словакия) и смешанные (Польша, Болгария, Румыния) республики, что обусловлено различным положением президента в системе разделения властей и его взаимоотношениями с собственно исполнительной властью (правительством) и парламентом. В то же время отмечается, что деление стран региона на парламентские и смешанные республики весьма условно, поскольку отражает различия преимущественно в конституционных полномочиях законодательной и исполнительной ветвей власти. С точки же зрения реализации других основополагающих прав и положений (инициативы проведения референдума, права законодательной инициативы, типа избирательной системы и др.), представленных в конституционно-правовых актах рассматриваемых стран, существуют еще большие различия, не поддающиеся типологическому анализу по обозначенному критерию.

На основе сравнительного анализа диссертантом сделан вывод, что современные конституции стран ЦВЕ закрепляют доминирующую роль парламента в системе разделения властей. Из этого следует, что представительные учреждения становятся центральным звеном политических систем стран региона, являются не только основным источником артикуляции, рационализации и реализации интересов различных социальных групп и общества в целом, но и оказывают решающее влияние на политику исполнительной власти.

В работе подчеркивается, что выбор той или иной модели конституционного устройства может быть обусловлен различными конкретно-историческими и социополитическими реалиями, поэтому сегодня невозможно с определенностью сказать, насколько жизнеспособной для стран ЦВЕ окажется парламентарная модель в будущем. Как полагает диссертант, возможно, данная модель будет развиваться аналогично политическим системам западноевропейского или американского типа, или будет трансформирована в особый тип (восточноевропейский, балканский и др.) парламентаризма, определяемый национальными особенностями политического и социально-экономического развития, состоянием политической культуры. Данная гипотеза, по мнению диссертанта, может иметь основания только при сопоставлении опыта парламентаризма в странах ЦВЕ как с общемировыми тенденциями развития институтов представительства, так и с опытом страновым, в том числе и российским.

Во второй главе «Общее и особенное в функционировании парламентаризма в странах Центральной и Восточной Европы» раскрываются основные принципы организации и функционирования представительных учреждений, выявляются особенности становления и развития партийно-политических систем, а также специфика взаимоотношений институтов законодательной и исполнительной власти стран ЦВЕ.

В первом параграфе «Структура и организация работы парламентов» выделяются и анализируются две основные группы вопросов. Первая группа вопросов касается конституционных норм, устанавливающих структуру законодательных органов стран ЦВЕ, то есть внутреннее устройство парламентов,

определяемое количеством палат. Вторая группа вопросов затрагивает проблемы организации деятельности парламентов, то есть порядок работы палат и их взаимоотношения между собой, существующие парламентские процедуры, касающиеся, прежде всего, внесения, обсуждения и принятия законопроектов и др. По мнению диссертанта, эти и другие вопросы являются актуальными не только для посткоммунистических парламентов, они имеют место и в устоявшихся представительных учреждениях западных стран, что обусловлено конкретными политическими реалиями. Однако в отличие от западных демократий, для которых характерны зрелое гражданское общество и развитая политико-правовая культура, большинство конституционных норм, регулирующих принципы взаимоотношений между властными институтами и субъектами политического процесса в посттоталитарных странах, требуют не просто дальнейшего совершенствования и оптимизации, но, возможно, кардинального пересмотра и поиска новых принципов и форм политического взаимодействия в будущем.

Анализируя структуру представительных учреждений стран ЦВЕ, диссертант ставит под сомнение необходимость существования двухпалатной структуры парламента в таких унитарных и этнически однородных государствах, как Польша, Чехия и Румыния. И если в Польше создание верхней палаты парламента явилось результатом соглашений «круглого стола» между правящей партией и оппозицией, то в отношении двух других стран выявлены следующие два противоречия.

Первое противоречие - несоответствие конституционных норм реальной политической практике, примером которого являлась идея создания Сената в Чехии. Несмотря на то, что в новой конституции страны предусмотрена двухпалатная структура парламента, в течение четырехлетнего периода (1993-1996 гг.) существования Чехии как независимого государства чешский парламента функционировал как однопалатный законодательный орган, в то время как верхняя палата продолжала существовать лишь «на бумаге». Это привело к тому, что в указанный период верхняя палата парламента *de jure* и *de facto* была исключена из законодательного процесса. Поэтому выборы в Сенат, состоявшиеся в Чехии осенью 1996 г., можно рассматривать как позитивный и логичный итог процесса, длившегося в течение ряда лет и вызывавшего немало споров и дискуссий.

Второе противоречие представляется более существенным и заключается в неопределенности конституционного статуса палат парламента. В отличие от Чехии, функционирование двухпалатного парламента в Румынии представляет ситуацию, не имеющую прецедентов ни в одной из рассматриваемых стран. Так, исходя из анализа румынского конституционного законодательства, диссертантом сделан вывод, что по своему конституционному статусу обе палаты румынского парламента — Палата депутатов и Сенат - не отличаются друг от друга ни по порядку избрания, ни по срокам полномочий, ни по объему компетенций. Это ставит под сомнение не только необходимость существования верхней палаты, но

и противоречит базовым принципам функционирования двухпалатной парламентской системы - как с точки зрения эффективности законодательного процесса, так и в отношении жизнеспособности румынского парламента в стратегической перспективе.

Диссертант полагает, что формирование двухпалатной парламентской системы в ряде стран ЦВЕ обусловлено различными обстоятельствами. С одной стороны, функционирование двухпалатного законодательного органа можно рассматривать как стремление к созданию такого конституционного баланса, при котором верхняя палата выступала бы в качестве связующего звена между исполнительной властью и нижней палатой парламента, а двухпалатный парламента тем самым становился системообразующим компонентом системы государственной власти в целом. С другой стороны, идея создания двухпалатной структуры парламента может быть воспринята как слепое следование западным традициям функционирования двухпалатных законодательных органов, наглядным примером которого является система парламента Румынии.

Рассматривая принципы избрания, внутренней организации и работы парламента стран ЦВЕ, диссертант отмечает, что на сегодняшний день не существует четко обозначенных критериев, обуславливающих выбор в той или иной стране конкретной модели избирательной системы, будь то выборы главы государства или выборы в представительные органы. Поэтому выбор избирательной модели (пропорциональная, мажоритарная, смешанная) в каждой из рассматриваемых стран продиктован, на взгляд диссертанта, скорее опытом функционирования западноевропейских представительных институтов, нежели какими-либо эндогенными предпосылками. В то же время в странах ЦВЕ существуют (или сосуществуют) различные типы избирательных систем, что обуславливает не только специфику политической борьбы, но и во многом определяет их партийно-политический спектр. Тем не менее, в большинстве стран региона предпочтение отдается в пользу пропорциональной системы, что, по мнению диссертанта, имеет большое значение при выборах в однопалатный законодательный орган, а при двухпалатной структуре — в нижнюю палату парламента.

Диссертантом проведен сравнительный анализ конституционных норм, устанавливающих основу внутренней организации парламента стран ЦВЕ и регулирующих законодательный процесс и взаимоотношения палат парламента (в странах с двухпалатными представительными учреждениями), а также парламента и органов исполнительной власти по поводу принятия законопроектов.

Сделан вывод, что структура и организация работы парламента стран региона в основных чертах соответствует структуре и принципам организации представительных учреждений западных демократий, что обусловлено общим стремлением стран ЦВЕ к интеграции в общеевропейские политические и

экономические структуры, формированию демократической политико-правовой системы и гражданского общества по западным «стандартам».

По мнению диссертанта, основной проблемой для посткоммунистических стран является не вопрос о разделении властей как исходная детерминанта консолидации новой политической системы, а вопрос о возможности перераспределения власти на институциональном уровне, поскольку суть и практическое значение парламентаризма не исчерпывается лишь функционированием законодательных органов, а включает в себя взаимодействие различных компонентов политической системы. Это, с одной стороны, органы исполнительной власти, реализующие и корректирующие законодательство, с другой - политические партии, выступающие в качестве посредника между обществом и властью. Наконец, неотъемлемым звеном парламентаризма является само гражданское общество, в рамках которого формируются социокультурные, аксиологические и поведенческие предпосылки консолидации парламентской модели разделения властей. Только взаимодействие всех названных компонентов позволяет говорить о парламентаризме как о целостной системе, а характер взаимодействия этих компонентов определяет эффективность функционирования парламентаризма в условиях трансформации тоталитарных политических структур.

Во втором параграфе «**Парламенты и политические партии**» отмечается, что в условиях формирующейся в странах центрально- и восточноевропейского региона парламентской модели властеотношений именно отношения между партиями и коалициями являются ключевым фактором, оказывающим влияние как на формирование вертикали и горизонтали государственной власти, так и на политику государственного руководства, его отношения с другими субъектами политического процесса. Следовательно, политическая стабильность в странах ЦВЕ во многом зависит прежде всего от стабильности партийно-политической системы, степени ее открытости, уровня достигнутого консенсуса между различными политическими группировками, блоками и коалициями как в парламентах, так и вне их.

Диссертантом выделяются два методологических подхода к исследованию современных партийных систем стран ЦВЕ: 1) структурный (партиципаторный) и 2) функциональный, рассматривающий формирующиеся партийные системы с точки зрения «формата» или совокупности их внешних (т.е. не имеющих прямого отношения к расстановке политических сил в данном обществе) характеристик, среди которых основными являются степень неустойчивости и политической фрагментации.¹⁶ Первый подход предполагает выявление роли и места различных партий и коалиций в партийно-политическом спектре стран региона. Второй подход базируется главным образом на анализе взаимоотношений между

¹⁶ См.: Голосов Г.В. Форматы партийных систем в новых демократиях: институциональные факторы неустойчивости и фрагментация // Политические исследования. – 1998. - №1. – С.106.

различными политическими силами в парламенте, выявлении степени их влияния на другие властные структуры и на политический процесс в целом.

На основе сравнительного анализа диссертантом сделаны следующие выводы:

- в одной группе стран (Польша, Чехия, Венгрия) партийные системы являются более открытыми и представительными, в то время как в другой группе стран (Болгария, Румыния, Словакия) партийные системы вплоть до недавнего времени сохраняли черты прошлого, обслуживая преимущественно интересы корпоративных, олигархических кругов, попирая нормы демократии и подчиняя представительную и судебную власть воле правительства и его лидера;

- если в Венгрии, Польше и Чехии в первые годы после распада тоталитарных режимов процесс политических и социально-экономических реформ находился под контролем новых политических элит, то в Болгарии и Румынии процесс политических трансформаций возглавили представители старой политической элиты. В Словакии же период с 1992 по 1998 г. основные рычаги управления страной находились в руках националистического Движения за демократическую Словакию, что связано с обретением словацким государством независимости.

- основным фактором неустойчивости партийных систем в ряде стран ЦВЕ (Болгария, Румыния) является экономический фактор, что обуславливает резкую социальную дифференциацию и как следствие - поляризацию политических сил и в большинстве своем идеологизированный и популистский характер партийных программ. Относительно устойчивый характер и динамика политико-правовых и социально-экономических реформ в Венгрии, Польше и Чехии является важнейшим фактором того, что регулярная смена политических элит у власти в этих странах не затрагивает базовых принципов и направленности проводимых преобразований, в то время как в Болгарии, Румынии и Словакии в центре политической борьбы оказываются, как правило, идейные споры партийных лидеров по вопросу о характере власти и приоритетах во внутренней и внешней политике.

Анализ последних парламентских выборов, прошедших в странах ЦВЕ в период 2000-2003 гг., не позволяет сделать однозначных выводов относительно тенденций и перспектив развития партийно-политических систем в регионе. По мнению диссертанта, о степени консолидации партийных систем в странах ЦВЕ можно судить, исходя из следующих двух посылок:

1. динамики представительства основных политических сил в парламенте и их регулярной ротации, что является одним из условий формирования в странах ЦВЕ более или менее устойчивой и структурированной биполярной системы;

2. степени открытости партийных систем и характера электорального поведения граждан, то есть возможности появления некоей «третьей» силы, которая могла бы противостоять двух- или однопартийному диктату и консолидировать общество на основе не идеологической или популистской доминанты, а на рациональных гражданско-правовых началах.

Если рассматривать в качестве критерия эффективности функционирования партийной системы двухпартийную модель, то можно полагать, что данному критерию из всех рассматриваемых стран в большей степени соответствуют складывающиеся партийные системы Чехии, Венгрии, Польши, в меньшей степени - Болгарии, Словакии и Румынии. Можно с определенной долей уверенности утверждать, что в первых трех названных странах формируется устойчивая биполярная система, происходит регулярная ротация левых и правых сил у власти.

Если же рассматривать в качестве стабилизирующего начала наличие в партийно-политической системе страны устойчивой центристской силы, то данному критерию до начала XXI в. в той или иной степени соответствовала партийная система Болгарии, где в роли коалиционного партнера как левых, так и правых сил выступало Движение за права и свободы (ДПС), отстаивающее интересы этнических турок и мусульман. Однако парламентские выборы 2001 г. коренным образом изменили партийную конфигурацию в стране, в которой основными антагонистами выступали правый Союз демократических сил и Болгарская социалистическая партия. Победа промонархической коалиции «Национальное движение Симеон II», созданной всего за два месяца до выборов и набравшей больше голосов, чем три идущие за ней по итогам голосования политические силы (Объединение демократических сил, коалиция «За Болгарию», ДПС), по мнению диссертанта, не только дестабилизировала партийно-политическую систему страны (что говорит о серьезном кризисе внутри конкурирующих между собой БСП и СДС), но и внесла еще больший элемент неопределенности относительно перспектив как политического и социально-экономического развития, так и относительно будущего конституционного устройства страны. С точки зрения политологического анализа, такая ситуация ставит основные конкурирующие стороны перед необходимостью не только сближения политических позиций, но и формирования единой коалиции, что, возможно, приведет уже не к классическому «лево-правому» противостоянию, а к формированию новых противоречий, расколу болгарского общества по новым политико-идеологическим принципам.

Сравнительный анализ показал, что, несмотря на общую направленность политико-трансформационных процессов, итоги и тенденции посттоталитарной эволюции партийно-политических систем стран ЦВЕ выглядят неоднозначно. В этом отношении с определенностью можно констатировать лидерство трех из четырех государств Вишеградской группы (Чехия, Венгрия, Польша), в то время как в остальных трех странах наблюдается как организационный кризис партий (левые партии в Словакии), так и кризис их самоидентификации (правые в Румынии, правые и левые в Болгарии). Это ставит под вопрос эффективность функционирования парламентской модели конституционного устройства этих стран, во всяком случае, в том виде, в котором она существует в настоящий момент: налицо потеря парламентами «кредита доверия» как со стороны общества, так и со стороны других государственных институтов, поскольку

именно парламентам были отведены важнейшие властные функции на начальном этапе транзитного процесса. Неспособность представительных учреждений к совершенствованию законодательных процедур и к диалогу с другими политическими и гражданскими институтами придает их деятельности популистский характер, ведет к девальвации демократических норм и ценностей, способствует авторитарному перерождению власти, что наблюдается также в России и ряде республик постсоветского пространства.

В третьем параграфе «Парламентаризм и институты исполнительной власти» отмечается, что установленная в странах ЦВЕ парламентская конституционная модель характеризуется тем, что институт президента и исполнительная власть (правительство) функционируют в значительной степени обособленно, различаются как по способам формирования, так и по совокупности осуществляемых ими политических функций.

В то же время в ряде государств региона существует и более жесткая полупрезидентская модель, предполагающая более тесную взаимосвязь между главой государства и правительством. Следовательно, с одной стороны, можно говорить о двух различных институтах исполнительной власти при чисто парламентской форме правления, а с другой — об определенном единстве исполнительных органов при смешанной или полупрезидентской модели.

На основе сравнительного анализа теоретического и фактического материала диссертантом раскрыты различные варианты взаимоотношений институтов законодательной и исполнительной власти стран ЦВЕ в системе парламентаризма, что позволяет сделать следующий вывод. Формирование мы сдержек и противовесов, в рамках которой определяются взаимоотношения между институтами исполнительной и законодательной власти, зависит не столько от изначальных конституционных положений, сколько от степени консолидации политических элит, их способности и возможностей оптимизировать и развивать как формальные конституционные нормы, так и процедурные аспекты властеотношений. В тех странах, где эти условия были созданы изначальными, институциональные конфликты возникают реже и не проецируются на всю систему политико-правовых отношений (Польша, Чехия, Венгрия). В странах, где процесс совершенствования конституционного законодательства в силу субъективных факторов (поляризация политических элит, нежелание политических лидеров и парламентариев выходить за рамки групповых интересов, отсутствие эффективной обратной связи с гражданским обществом и др.) осуществляется медленными темпами, институциональные конфликты имеют ярко выраженный характер, парализуют не только политико-правовую систему, но и вызывают негативное отношение к политике как со стороны граждан, так и со стороны международных политико-правовых институтов (Болгария, Румыния, Словакия). По мнению диссертанта, отсутствие эффективных конституционных норм и механизмов принятия политических решений приводит не только к деформации существующей конституционной модели, но и превращает парламентаризм в «игру» политических элит, где на

первый план выходит популистская доминанта. С учетом указанных тенденций диссертант полагает, что в странах ЦВЕ формируются различные виды парламентаризма: первый вид характеризуется относительно стабильной системой «сдержек и противовесов» во взаимоотношениях между законодательной и исполнительной ветвями власти, а также тенденцией формирования биполярной партийной системы, во многом аналогичной модели политического представительства, принятой в США и Англии (Чехия, Польша); второй вид, имеющий много общего с германской моделью, характеризуется значительным усилением кабинета министров и менее устойчивым партийно-политическим спектром (Словакия, Венгрия); третий вид, которому присущи нестабильный характер взаимоотношений между институтами государственной власти и гражданским обществом, а потому имеющий тенденцию к дальнейшей трансформации (Болгария, Румыния).

В заключении подводятся итоги исследования, делаются выводы об основных тенденциях функционирования и развития парламентаризма в странах ЦВЕ. По мнению диссертанта, опыт функционирования парламентаризма в странах ЦВЕ имеет большую практическую значимость для России и других посткоммунистических государств, поскольку дает импульс обществу и правящим элитам этих стран к дальнейшему совершенствованию и развитию своих политических институтов. Данное предположение позволяет сделать вывод, что исследование проблем современного парламентаризма в сравнительном ключе может быть весьма актуальным как в теоретическом плане, так и в области выбора политическими элитами различных стратегий и альтернатив политико-правового реформирования. К числу перспективных направлений в исследовании парламентаризма можно отнести:

- разработку путей дальнейшего совершенствования российского конституционного законодательства и его соотнесение с опытом конституционализма центрально- и восточноевропейских стран;
- углубление сравнительно-политологических исследований партийно-политических систем стран ЦВЕ, выявление уровней и характера их взаимодействия с другими властными институтами и субъектами политики;
- сравнительное исследование политической культуры парламентаризма и тенденций взаимоотношений институтов государственной власти стран региона с гражданским обществом и использование эмпирических данных и теоретических выводов в российской политической практике.

По тематике диссертационного исследования опубликованы следующие работы:

1. Демократические процессы в странах Центральной и Восточной Европы и Россия // Социология в меняющемся социуме: Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора Н.А.Аитова / Уфимский государственный авиационный технический университет. - Уфа, 2001. - С.222-224.

2. Политическая культура парламентаризма: опыт стран Центральной и Восточной Европы // Большой Урал - XXI век: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летию Уральских социологических чтений и 25-летию ФГО УГТУ-УПИ. - Ч.4. Общество - образование - культура - молодежь. - Екатеринбург, 2001. - С.83-84.

3. Конституционализм как фактор консолидации парламентской демократии: опыт посттоталитарных стран // Вертикаль власти: оптимизация взаимодействия федерального, регионального и местного уровней власти в современной России: Сборник научных статей, подготовленных на основе IX республиканских общественно-политических чтений, посвященных 12-й годовщине принятия Декларации о государственном суверенитете Республики Башкортостан. - Уфа: БАГСУ, 2002. - С.39-44.

4. Сущность политического транзита и типологизация транзитных процессов в странах Центральной и Восточной Европы // Грани познания. Сборник научных трудов молодых ученых. - Уфа: Восточный университет, 2003. - №4. - С.39-44.

5. О соотношении понятий «политический транзит», «демократический транзит» и «политико-трансформационный процесс» в исследованиях посткоммунистических политических систем // Политические трансформации: общероссийский контекст и региональная специфика: Сборник научных статей. - Уфа: БАГСУ, 2004. - С.33-36.

Подписано в печать 2.03.2004. Бумага офсетная. Формат 60x84 1/16.
Печать трафаретная. Печ. л. 1,1. Тираж 300 экз. Заказ 98.

Типография Уфимского государственного нефтяного технического университета.

Адрес типографии: 450062, г. Уфа, ул. Космонавтов, 1.